

Вопросы к докладчикам и ответы

А.И. Неклесса:

Благодарю Вас, Александр Иванович. Думаю, какие-то комментарии по поводу Ваших замечаний я выскажу в конце заседания, в заключительном слове. Сейчас же мне хотелось бы сделать лишь одно замечание, а именно — о «неполноте схематизации». Кто-то из великих, к сожалению, не помню, кто, как-то заметил: наиболее краткое и точное изложение текста — сам текст. К сожалению (или к счастью), схематизация и моделирование — это специфический инструмент, позволяющий упрощать сложность с целью вычленив в ней нечто важное. И как при всяком упрощении, естественно, что-то оказывается «за бортом». Ограничусь этим небольшим замечанием, чтобы основное время все-таки ушло на вопросы и дискуссию.

Вопрос (А.Н. Окара):

Скажите, пожалуйста, а можно ли сказать так, что при помощи дискурса, при помощи таких инструментов как геополитика, геоэкономика или геокультура, что эти три инструмента исчерпывают возможные средства для моделирования современного мира? Где, по-Вашему, проходит грань и в чем она заключается между геополитикой, геоэкономикой и геокulturой?

Ответ (А.И. Неклесса):

На мой взгляд, этот инструментарий, пожалуй, недостаточен для описания нынешнего состояния мира. Этот инструментарий, все-таки, базируется на представлениях прошлой эпохи — эпохи, которая стремится заключить реальность в рамки формализованного механизма. Отсюда, кстати, и столь сильная тяга к схематизации систем и процессов. Специфика же именно современного состояния мира — или, как я его

определил, «сложного мира» — в его перманентной динамике, причем нередко нелинейного свойства. Поэтому многие привычные социальные конструкции можно рассматривать как: а) инструментарий, который описывает некоторую переходную ситуацию; б) политически мотивированную идею, лежащую в основании того или иного типа миропорядка.

Так, если внимательно посмотреть на базовую схему геоэкономической конструкции (геокона), то мы увидим, приоритет информации и интеллекта над ресурсами. Иначе говоря, геокон — это механизм, позволяющий перераспределять природную и технологическую ренту по определенной формуле (миропорядку). На первый взгляд, предложенная схема геокона является естественной, разумной и даже единственно возможной, но это далеко не так.

Позвольте предложить совершенно другое прочтение геоэкономической конструкции. Как вы помните, в 1972 г. выходит работа Римского клуба «Пределы роста», в которой обращено внимание на проблему конечности ряда природных ресурсов. И действительно, мы наблюдаем в течение некоторого времени усиление значения стран, обладающих ресурсами, рост цен на ресурсы, образование международных картелей и т. п.,. Причем к традиционным природным ресурсам (полезным ископаемым) добавляются ресурсы нетрадиционные — вода, чистый воздух (отражением чего стал Киотский протокол). Мы вполне можем смоделировать мир, в котором геоэкономическая матрица могла бы быть принципиально иной, где господствует сырьевой Юг, обладающий ресурсами, а бедные ресурсами индустриальные страны окажутся в сложной зависимости, поскольку вынуждены платить колоссальную ренту за потребляемые ими ресурсы.

Начиная, примерно, с рубежа 1960–1970 гг., прослеживается осознание этой проблемы и ведется интенсивная политическая и геоэкономическая борьба за ту самую формулу мироустройства, которая была сегодня продемонстрирована. Иначе говоря, победу одержала информационная,

интеллектуальная матрица. И на сегодняшний день в мире господствуют те государства, которые занимаются информационным, технологическим, высокотехнологическим производством (включая производство средств господства), а также таким видом деятельности, как финансовое производство. Поэтому предложенную вашему вниманию схему я не считаю универсальной, а скорее политической схемой мироустройства. Поэтому использован термин «геоэкономика». Быть может, если бы термин «политэкономия» ранее не был применен для фиксации определенного направления, то я выбрал бы его.

Думаю, в постсовременном мире статичность данной схемы будет серьезно поколеблена. Это не та схема, которая связана с новой сложной организацией мира, где колоссальную роль приобретут государства-корпорации и различным образом организованные антропо-социальные структуры и другие политические множества. Формирующаяся ситуация выходит за рамки классических методологий. Здесь, наверное, Д.С. Чернавский лучше меня может пояснить специфику того мира, в который мы входим, поскольку мы, по-моему, входим в некий «диффузный мир», связанный с диссипативными структурами и новым порядком. Образно говоря, от «мира фазовых переходов» мы движемся к «миру фазового пространства». Это я, конечно, не в строгом физическом смысле говорю, а в качестве метафоры.

Иначе говоря, мы вступаем в мир, который будет весьма сложно формализовать на основании имеющегося политологического и иного социального инструментария и соответствующего категориального аппарата, а также общепризнанных сегодня концепций социальной реальности. И, тем более, в рамках схем, построенных на методологии, чьи корни уходят в эпоху Просвещения. Тем не менее, пока у нас нет подобного инструментария, мы — со всеми неизбежными недочетами — должны пытаться декодировать новую социальную реальность.

Вопрос (Е.Г. Пономарева):

У меня несколько неприятные вопросы, которые уведут от столь широкого рассуждения; но, мне кажется, они важны для понимания проблемы. Как Вы, Александр Иванович, понимаете, что такое российская диаспора? Я не знаю ни одной страны мира, где не существовала бы русская или российская диаспора. Еще один вопрос, тоже достаточно конкретный: общеизвестно, что международный криминал занимает очень серьезное место в мировой экономике и, я так понимаю, что и в геоэкономике тоже. По Вашей схеме получается, что деструктивная параэкономика — это и есть международный криминал? Или Вы вообще исключаете международный криминал из Вашей схемы? Если мы обратимся к прошлому, то в начале 1990-х гг. один экономист справедливо заметил, что Третья мировая война, скорее всего, будет война экономическая — в частности, за транспортировку энергоресурсов. Вот пожалуйста — и география, и экономика.

Ответ (А.И. Неклесса):

Начну со второго вопроса. Кластер «Глубокий Юг» — это попытка отразить ту самую ситуацию мирового андеграунда. Криминальная экономика — наверное, весьма «узкое» определение. (Это как в фильме «Александр Невский», когда кузнец говорит: «Коротковата кольчужка...»). То пространство, где на сегодняшний день оперируют триллионами долларов, мы, конечно, можем назвать криминальным. Но формат, объем и номенклатура видов деятельности — в том числе наркотрафик, торговля людьми или их органами, незаконная торговля оружием, отмывание денег — расширяются, растут, включая и «серые» зоны...

Что я хочу сказать? В мире складывается достаточно своеобразная, беспринципная по отношению к прежней системе отношений экономическая среда, которая, кстати, представляет собой своеобразную ленту Мебиуса, соединяющую откровенно криминальную экономику с пространством фи-

нансовых операций. Другими словами, складывается некая транснациональная геоэкономическая целостность, которая руководствуется собственными экономическими законами (у нас нет другого слова) и которая разрастается внутри других видов деятельности (геоэкономических кластеров) напоподобие метастаз.

Теперь по первому вопросу. Он весьма серьезен. Мне кажется, что нынешняя концепция Русского мира находится в тупике. И дает отрицательные результаты. Почему я так считаю? Мне представляется, что нынешняя концепция Русского мира взята по образцу франкофонии, т. е. в ее основу положен русский язык. Но поскольку я долгое время занимался Африкой, мне видна особая роль франкофонии не столько в ее языковом, сколько в культурном и цивилизационном аспекте по отношению к африканской архаике. Это было не просто делегирование французских ценностей, но трансляция ценностей цивилизации в варварское общество. При всех негативных сторонах процесса это была еще и миссия, миссионерство...

Но даже не это сейчас важно, это уже немного другая и спорная проблема. Нам же важно то, что современная концепция Русского мира, которая реализуется Россией (основанная, как я уже сказал, на методологических постулатах франкофонии), и ставка, сделанная на распространение русского языка, реализуется в совершенно другом культурном круге. И таким образом продуцируется конфликт по отношению к таким языкам, как украинский или белорусский. Создается ненужное конфликтное поле, когда родственные народы, родственные пространства — включая, кстати, Балтию — постепенно превращаются во враждебные сообщества.

Поэтому представляется, что концепция Русского мира должна быть кардинально переоценена и пересмотрена. Конечно, легче всего ее позиционировать в языковых и информационных категориях, но это все-таки пространство культурное и социальное. То, что нас объединяет — это единая

культура, и даже не православная культура. В этом смысле перспективна вся тема восточно-европейской общности. К примеру, удивительным обстоятельством оказалось, что некоторые из государств новой Европы — те, которые исторически, казалось бы, уже свыклись с собственным перманентно конфронтационным состоянием — неожиданно почувствовали некие объединяющие токи, почувствовали вибрации культурно-цивилизационной близости. И ощутили их тем более отчетливо, чем плотнее данные сообщества входили в систему социальных отношений и плоть культурных ценностей «Старой Европы». (Яркий пример — культурные сопряжения новых балканских стран.)

Процесс заметно усложнится при вхождении в состав европейского концерта игроков из постсоветского пространства: Украины, Беларуси, Молдавии, Грузии... Вероятно, фактическое смещение в сторону Европы в этом потоке также Калининградской области, Приднестровья и, как это ни странно прозвучит сегодня, некоторых новых игроков на расширяющейся арене, наподобие, скажем, Абхазии...

Что станет доминантной точкой для их гравитации? Какова окажется стратегическая траектория всего российского Северо-Запада? Или геэкономического эстонско-финско-карельско-петербургского региона? Какими именно социальными и политическими кругами будет в итоге очерчена и скреплена восточная, юго-восточная и «неовосточная» Европа в общей картографии европейской части евразийского континента? Это, кстати, проблема не только России, но и, скажем, Южного Кавказа. Кто окажется внутри помеченного контурным ареала — со всеми причудами его извилистого ландшафта? А кто — за его пределами...

Короче говоря, я полагаю, что концепция Русского мира должна быть серьезно пересмотрена, она должна базироваться на социокультурных основаниях, должна поднять проблему русских стран — забытую проблему (это выражение вообще забыли). Когда я цитировал здесь знаменитые строки

Карамзина о том, как герой стоит на вершине холма, смотрит на Москву-реку, на корабли, плывущие из русских стран, то как на меня, так и на слушателей эта фраза произвела впечатление. Для многих текстов разных веков, российских текстов — скажем, в «Сказании о Ермаке» — там это выражение совершенно естественное: «русские страны». Да, русские страны, потому что Россия воспринималась как империя, объединяющая русские страны. Вот здесь, я думаю, может быть найден позитивный ответ на проблему Русского мира. На сегодняшний же день она приносит вместо позитивных, скорее, негативные результаты.

Вопрос (В.Э. Багдасарян):

У меня два вопроса к обоим докладчикам. Я просил бы уточнить позицию. В новой геоэкономической реальности каковы будут институциональные контуры? В частности, остается ли институт государства в том традиционном виде, к которому мы привыкли? Остается ли он вообще? И второй вопрос: геоэкономика, геополитика — в этих словах присутствует «гео», т. е. земля. Насколько оправданно в качестве исходной точки идти от земли? Не будет ли это деформированным миростроительством в данной почвенной парадигме?

Ответ (А.И. Неклесса):

Спасибо, очень интересный Вы задали вопрос. Объясню, чем он интересен. Во-первых, «гео» здесь обозначает целостность, для того чтобы отразить некий целостный взгляд на глобальную (т. е. планетарную) конструкцию. Но что меня поразило в процессе разработки данной конструкции, так это то, что основные виды производства — конечно, с рядом оговорок — удивительным образом легли на географические локусы, на определенные географические ареалы.

Посмотрите: высокие технологии — североатлантический регион, промышленное производство — тихоокеанское кольцо. В широком смысле, не просто Восточная Азия, а такое

пространство, которое по диагонали включает в себя и Южную Азию (прежде всего Индию), и Латинскую Америку.

Если мы посмотрим на Юг, который производит значительную часть сырья, потребляемого в мире, он так же более или менее географически локализуем, хотя и с меньшей четкостью как субтропическая или тропическая зона. Поэтому пришлось, идя от океанической формулы, окрестить его «индоокеанской дугой». Но основная сложность возникает с северной Евразией, с Россией...

Если взять формальную экономическую разработку геоэкономической матрицы, то все складывается удивительно логично. У нас шесть регионов. Один регион производит сырье (Юг), которое перерабатывается на Востоке в виде промышленных изделий. Возьмем другую такую же пару — производство интеллектуальных ресурсов и создание высокотехнологических изделий. Вполне можно было бы представить себе такую гармоничную схему. Дальше — та изнанка, о которой я уже говорил, которая снимает свою ренту, — назовем ее криминальной или трофейной. И, наконец, новый Север, который снимает на сегодняшний день финансовую ренту, а в более общем виде это информационно-интеллектуальная рента.

Логичная схема. Но практика показывает нам несколько отличий от такого схематического идеала, даже в тех местах, в которых, казалось бы, нарушений нет. Эта схема носит даже не двухмерный, а трехмерный характер, в отличие от обычной географии. Но все-таки удивительно это распределение, которое при всех издержках раскладывает экономически обоснованное разделение труда по большим географическим зонам.

Могла ведь быть совершенно иная эмпирическая раскладка, а то, что эмпирика и чисто умозрительная схема в значительной степени совпали — это удивительно само по себе и, возможно, за этим стоит больший смысл.

Основную же проблему при разработке данной конструкции все-таки вижу в проблеме локализации производства

интеллектуального ресурса, потому что не решена здесь геостратегическая задача, не решена проблема стратегии развития сухопутного океана Северной Евразии, т. е. Российской Федерации. Это пространство на сегодняшний день не имеет своего оригинального стратегического вектора.

Теперь по поводу первого вопроса. Это так же интересный вопрос. Я уже обмолвился о том, что государственность, безусловно, меняется. Прежний формат национального государства не соответствует социальному развитию мира. Одним из первых на это обратил внимание еще Арнольд Тойнби, который писал, что развитие промышленности разрывает рамки национальных границ. Да и вся коммунистическая литература об этом говорит — о том, что развитие промышленности умаляет роль национального государства. Более того, социалистическая идея была построена на идее отмирания государства вообще. Отсюда знаменитые строки Интернационала, психология пролетариата как части человечества, не имеющего отечества; то же самое относилось и к противоположному классу.

В современном мире с развитием транснациональных предприятий — необязательно экономических корпораций, а различного рода предприятий, которые носят глобальный характер, — появляются люди, гражданство которых очень трудно определить, даже не потому, что у них 5 паспортов и 18 мест жительства по всему миру, а просто характер их деятельности слабо связан с тем местом, которое он мог бы считать постоянным местом жительства.

Пока этот процесс находится в становлении. Но мне кажется, что когда мы говорим о Новом Севере, мы говорим не только об американизации мира, хотя сегодня во многом это еще американизация. Мы говорим о международном пространстве конвергенции элит, которые сливаются в новую социальную реальность.

Тут важно понять, что национальное государство не исчезает, а просто рядом с ним появляются историче-

ские конкуренты: международные регулирующие органы, страны-системы, государства-корпорации, амбициозные корпорации, люди воздуха, антропологические сообщества, иные политики и социально-политические множества. Существует и то, и другое, но в этом сосуществовании их соотношение, влияние, удельный вес меняются.

Удельный вес национального государства понижается. В какой-то момент это будет примерно то же самое, как во времена становления национального государства оказывалось неважным, бургундец вы или гасконец, потому что вы — гражданин Франции. Может быть, плохая аналогия, но она что-то показывает в отношении будущего строения мира, где, к тому же, не географическая позиция (бургундец или гасконец) будет основополагающей, а скорее отношение к роду деятельности. Род деятельности, т. е. то, чем вы занимаетесь: если вы занимаетесь интеллектуально-информационно-финансовым производством — вы в одной стране, в одном гипергосударстве живете, в одной интеграции обитаете... Я употребляю такие экзотичные определения и понятия, потому что категориальной лексики нет для описания новизны — об этом я говорил уже неоднократно.

Ответ (А.И. Соловьев):

Я постараюсь ответить коротко. Возвращаясь к нашей полемике, Александр Иванович, хочу сказать, что какая-то модель хоть и упрощает, но адекватно отражает процесс, а какая-то — формализуя его параметры — недопустимо смещает акценты в понимании происходящего. Это касается и рассматриваемых нами процессов, которые опосредованы территориальной зависимостью. Подчеркну в связи с этим, что по сути любая человеческая деятельность является той или иной формой местосвершения, т. е. осуществляется на определенной части метрического пространства. Если вы возьмете любые формы организации социального порядка, то увидите, что они всегда территориально оформлены. Так,

империи представляют собой территориально разомкнутые формы государственного устройства, расширяющие свой суверенитет на различные зоны пространства и превращающие их в часть своей территории. Такой же по природе своей процесс — только с более ограниченными результатами — шел и у национальных государств. Эти институты интегрировали население и завоеванные территории посредством захвата, применения силы. А вот у геоэкономических инструментов освоения территорий принцип продвижения и освоения пространства иной. Если отбросить философские спекуляции и посмотреть на дело чисто исторически, то становится понятным, что геоэкономика возникла в послевоенное время в XX в. На мой взгляд, это произошло тогда, когда японцы (по сути, первыми) предложили механизм расширения влияния своего национального государства не за счет применения грубой военной силы, а сугубо экономической экспансии. То есть, путем распространения своего экономического влияния на другие — вначале близлежащие, а затем весьма отдаленные — зоны географического пространства, превращая их в территории, где они стали занимать серьезные позиции в процессе разделения труда, обмене и распределении ресурсов и т. д. Вот в этом-то и состоит сущность геоэкономики. Но при этом надо учитывать, что геоэкономика — это не целостная форма государственной политики, а, я бы сказал, сложная, внутренне диверсифицированная, комплексная стратегия. То есть, один проект по расширению экономического влияния на той или иной территории какому-то государству удастся (и тогда создаются перспективные условия для продвижения своих интересов на этой территории), а другие — нет. Не забывайте, что чужие территории просто так никого к себе не пускают, используя при этом самые разные инструменты — заградительные пошлины, налоги и проч. Поэтому геоэкономические стратегии всегда должны обладать повышенной конкурентоспособностью, учитывать и прогнозировать разные способы сопротивления, которы-

ми, кстати, обладает не только государство, но и другие игроки на этих экономических рынках.

А.И. Неклесса:

Я согласился бы с Вами, Александр Иванович, внося следующие оговорки. Оговорки очевидные: почему Япония могла так действовать? Да просто она действовала под американским зонтиком. Основная проблема, почему данная схема в мягкой форме нереализуема и различные субъекты будут использовать свое влияние в собственных корыстных интересах, — отсутствие мирового правительства. А поэтому — и властного, и внятного международного права, поскольку международное право разрабатывается и реализуется международными органами, не наделенными соответствующими властными полномочиями и лишенными того единства, которое позволило бы говорить о мировом правительстве.

Когда же возникают коллизии в международных органах, то, как показала практика последних лет, реализуется право сильного. И международный орган существует сам по себе, международное сообщество — само по себе, а дела идут своей чередой. Я предполагаю, что сложность мироустройства в постсовременную эпоху ведет не столько к становлению мирового правительства, сколько мирового управления. Возникнут элементы мирового управления, которые будут построены на новой формации регулирующих органов, каким до недавнего времени была Большая семерка, а в настоящее время все более и более вырисовывается сочетание Большой двойки с Большой двадцаткой.

А.И. Соловьев:

Я придерживаюсь иной точки зрения. На мой взгляд, мировая история — с точки зрения внешнеэкономических, внешнеполитических связей — изначально представляет собой совокупность неравновесных, диссипативных структур с множественными центрами влияния в мире. И никакого

единого центра власти и принуждения в мире не существует и существовать не будет. Посмотрите, все эти Семерки, Восьмерки, Двадцатки, обладая сокрушительной объединенной мощью, ничего не могут сделать ни с Ираном, ни с Афганистаном, ни с другими немилыми их сердцу странами и регионами. Это я к тому, что все предлагаемые Вами схемы, по сути, затушевывают эту кластерную картинку мира, чрезмерно упрощая имеющуюся эвристику политических и экономических мировых связей. Вот в этом заключается моя основная мысль.

Теперь, что касается государственности. Действительно, сегодня существует очень много мнений относительно того, распадется государство или нет. В этой связи я обратил бы внимание на одну вещь, о которой постоянно забывают в таких дискуссиях. Государство — это всего лишь одна из попыток организации социальных порядков с применением монопольных ресурсов и прав на применение силы на определенной части пространства. Какова главная потребность населения, которое поддерживало эту направленность действий государства, того института, который посредством захвата интегрировал население на той или иной части пространства? Прежде всего, это проблема обеспечения безопасности. Поэтому конкуренция с другими — семейными, соседскими, земляческими, этническими общинами, которые также пытаются установить свои порядки на той или иной части пространства — в конечном счете, сводит проблему к тому, смогут ли они (или другие структуры) обеспечить тот же уровень безопасности, который предоставляет национальное государство? Вот водораздел: если безопасность «просядет» окончательно, тогда рухнет и государство. Но государство — это очень пластичная структура, которая постоянно перестраивается и не отдает эту функцию никаким другим корпоративным центрам. В экономике корпорация еще может заместить государство, но в части выполнения функции безопасности — очень сомневаюсь.

А.И. Неклесса:

Александр Иванович, Вы, будучи политологом, тем не менее, в своих рассуждениях, употребили в одном ряду различные категории. Вы говорите о том, что не может быть мира без государства и т. д. Это интересная проблема, но не она сегодня предмет дискуссии и не о ней я говорил. Речь у нас сегодня идет совершенно об ином. Речь идет о таком вполне определенном историческом феномене, как *национальное* государство, nation state. Скажем, когда мы говорим о государстве-корпорации, мы тоже говорим о государстве, но уже о corporation-state. А если мы заглянем в более отдаленное прошлое, мы увидим существование и других государств: скажем, имперское государство, государство, основанное на вассалитете. Или полис — город-государство. Это тоже были государства. Но не национальные, их опровергло национальное государство, которое имеет исторический генезис, т. е. начало и потому, вполне естественно, когда-то столкнется с проблемой своей исторической неактуальности — и это будет началом его исторической деактуализации, началом конца... Мне кажется, что здесь имеет место некоторая семантическая аберрация. Вы под государством понимаете устойчивую форму человеческого сообщества, обеспечивающего свои потребности, включая безопасность. Дальше Вы пытаетесь доказать, что это состояние всегда будет существовать. Но спорят не с этим. Основной пафос был направлен на то, что именно *национальное* государство как специфическая форма организации, основанное на понятии гражданства, публичной политики, представительной демократии, — именно эта форма теряет влияние и устойчивость в нашем мире. Так, на примере России мы видим, как исчезает представительная демократия, т. е. власть народа через своих представителей, депутатов. Но это уже отдельная тема... Пожалуй, наш спор показал, что время вопросов мы исчерпали, и достаточно плавно перешли в пространство дискуссии.

А.И. Соловьев:

Буквально два слова: все, что было сказано мною о государстве как носителе и гаранте безопасности населения, касается всех его исторических форм — и республик, и империй, и nation state, и др. Это базовый атрибутив данного института. Поэтому и ответ на вопрос, будет ли эта структура существовать, связан именно с таким его измерением. Трудно, однако, согласиться, что демократия, представительные механизмы и прочие названные Вами параметры, являются атрибутами национального государства. Это все характеристики режимов правления, которые могут меняться, замещаться, но никак не касаться трансформации природы государства. Поэтому названные Вами болезни Российского государства характеризуют не проблемы изменения его природы (тем более, отражающие какие-то исторические тренды этого института), а всего лишь отечественные особенности выстраивания унитарного государства и административной централизации публичной сферы.